

- [Теодор Драйзер](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Теодор Драйзер

Мэр и его избиратели

Это рассказ о человеке, чья политическая и общественная деятельность должна была бы послужить примером (если, конечно, верить в силу примера, как то делают наши моралисты) и оказать воздействие на каждого гражданина Соединенных Штатов. К сожалению, этого не случилось. А впрочем?.. Как знать? Во всяком случае, он и его деятельность теперь совершенно забыты, и все эти годы никто и не вспоминал о нем.

Он был мэром одного из мрачных промышленных городов Новой Англии. В этом царстве дыма и копоти вели безрадостное существование около сорока тысяч жителей. Здесь он родился и жил до тридцати шести лет, пока не решил попытать счастья в другом месте.

Он работал на разных фабриках, с которыми так или иначе было связано почти все население города. По профессии он был сапожник, вернее, рабочий на обувной фабрике, то есть умел выполнять только часть операций, необходимых для изготовления обуви. Но работник он был отличный и получал пятнадцать, а иногда даже и восемнадцать долларов в неделю — довольно высокий заработок для тех мест. Потому ли, что он от природы обладал отзывчивым сердцем, или потому, что на собственном горьком опыте познал, как тяжело живется людям, но ему свойственно было какое-то смутное чувство протеста, которое и побудило его в конце концов организовать клуб для изучения и пропаганды социалистических идей; позже, когда этот клуб настолько окреп, что мог уже проявить себя политически и выставить на выборах своего кандидата, он стал первым и затем в течение ряда лет оставался постоянным кандидатом в мэры. Долгое время, до тех пор, пока число членов клуба не увеличилось настолько, что эта организация привлекла уже к себе некоторое внимание политических кругов, все смотрели на ее членов (следуя нашему чисто американскому, варварскому обычаю) как на сборище безобидных чудаков, одержимых сумасбродными идеями о долге перед ближним и какими-то наивными мечтами о честном и бережливом управлении общественным хозяйством, — в данном случае хозяйством их родного города. Таково-то наше американское благоразумие, наше внимание к ближнему, наша забота о его благополучии! Число членов клуба было все же так ничтожно, что они по-

прежнему служили предметом веселых шуток, будто только на это и годились.

Однако клуб продолжал выставлять своего кандидата, и вот в 1895 году ему вдруг удалось получить пятьдесят четыре голоса — вдвое больше, чем в любой предшествующий год. В следующем году было зарегистрировано уже сто тридцать шесть голосов, а еще через год — шестьсот. А тут скоропостижно скончался мэр, одержавший в этом году победу, и были назначены досрочные выборы.

На этот раз клуб получил шестьсот один голос, те же шестьсот и сверх того еще один! В 1898 году клуб снова выдвинул своего постоянного кандидата, и он получил уже тысячу шестьсот голосов, а в 1899 году все тот же неизменный кандидат получил две тысячи триста голосов — и был избран мэром.

Нам этот факт может показаться не таким уж важным, но в том захолустном фабричном городке, столь типичном для Новой Англии, он был воспринят совсем иначе. Знакома ли вам жизнь Новой Англии — ее пуританская, непримиримая, узколобая и эгоистическая психология? Хоть этот бедняга и был избран всего на один год, те, кто не голосовал за него, изумились его избранию, словно невесть какому событию, а приверженцы старого религиозного и политического уклада, набожные прихожане и строгие хранители всех укоренившихся в городке обычаев, прямо завопили от негодования. Никто, разумеется, не знал, что представляет собой новый мэр и каковы его убеждения. Однако клуб, выдвинувший его кандидатуру, немедленно был объявлен анархистским — обычное обвинение против всего нового в Америке; предлагали даже обратиться в суд, дабы воспрепятствовать новому мэру вступить в должность. И это говорили люди, которые сами терпели нужду и занимали в обществе положение более чем скромное! По их мнению, от нового мэра следовало ожидать всего самого наихудшего, — ведь он был, и совсем недавно, простым рабочим! — а до того приказчиком в бакалейной лавке и в обоих случаях зарабатывал каких-нибудь двенадцать долларов в неделю или еще меньше! Разве не ясно, что собственность немедленно подлежит разделу, всех предпринимателей заставят платить каждому рабочему не менее пяти долларов в день (неслыханный заработок в Новой Англии!), права личности будут урезаны и всячески ущемлены (а до тех пор в Америке таких случаев, видите ли, никогда еще не бывало!) — вот что мерещилось этим американским обывателям, как неизбежное следствие скромной победы, одержанной новым мэром. Прожженные политиканы и главари корпораций, лучше понимавшие суть дела, не переоценивали своего

слабосильного противника, и хотя были раздражены, но успокаивали себя тем, что впоследствии с ним можно будет разделаться.

Лучшей иллюстрацией создавшегося положения может послужить подлинный разговор, происшедший как-то раз в сумерки на одной из окраинных улиц.

— Да кто он такой, собственно говоря, этот новый мэр? — спросил один местный житель у какого-то незнакомого ему прохожего, с которым случайно разговорился.

— По-моему, человек самый обыкновенный. Говорят, приказчик из бакалейной лавки.

— Удивительное дело! Вот уж не думал, что эта публика чего-нибудь добьется. Ведь в прошлом году на них никто и внимания не обращал.

— Кажется, никто еще ясно себе не представляет, как он себя поведет?

— Да, и меня это тоже интересует. Болтают, что он анархист, а я не очень этому верю. Не велика у мэра власть.

— Что верно, то верно, — отозвался незнакомец.

— Как бы то ни было, ему надо дать возможность проявить себя. Он одержал большую победу. Хотелось бы повидать его, посмотреть, каков он лицом.

— Ну, лицо у него самое простое. Я его знаю.

— Говорят, еще молодой?

— Да.

— Откуда он появился?

— А он здешний.

— И вправду был рабочим?

— Да.

Любопытный горожанин задал еще несколько вопросов, затем отошел, собираясь свернуть за угол.

— Конечно, — заметил он на прощание, — нам остается только гадать. Но я склонен поверить в этого человека. Хотелось бы увидеть его своими глазами. До свидания!

— До свидания! — отозвался незнакомец и помахал рукой. — Может, еще когда-нибудь меня встретите, тогда уж так и знайте, что видите перед собой мэра.

Любопытный горожанин в изумлении воззрился на удалявшегося незнакомца, но то, что он видел — высокая, не меньше шести футов, а в остальном вполне заурядная фигура, худощавое молодое лицо, спокойные, серые с чуть заметной голубизной глаза, — меньше всего отвечало обычному представлению о важном политическом деятеле, да еще

заслужившем столь шумную известность.

«Слишком молод» — вот первое, что сказали сограждане, увидев нового мэра.

«Какой-то приказчик из бакалейной лавки» — вот вам второе суждение о нем, и незачем объяснять, как много сомнений и как мало надежды на что-либо доброе впредь заключалось в такой оценке.

А он, хотя в нем и не было ничего выдающегося в том смысле, как это понимают политиканы, был по-своему интересной личностью.

Не обладая ни большой тонкостью ума (врожденной или выработанной воспитанием), ни особой проницательностью, он все же остро чувствовал, каким злом является столь резкое в нашем обществе и вовсе не вызванное необходимостью социальное неравенство и как важно направить все усилия на то, чтобы уменьшить пропасть между неорганизованной и невежественной нищетой и колоссальным богатством, находящимся в руках у людей, которые мало того, что сами не трудятся, но считают, что так и быть должно. Ибо к чему, в конечном счете, сводится практическая мудрость любого капиталиста, любого миллиардера: не к слепой ли и хищной алчности?

Как бы то ни было, горожане наблюдали за новым мэром на его пути от дома до канцелярии и обратно, и когда общее волнение улеглось, пришли к выводу, что он ничего особенного собой не представляет.

Новый мэр приступил к исполнению своих обязанностей в небольшом, но уютном доме городского управления и сразу столкнулся с шайкой засевших там дельцов и с заведенным ими порядком. Никому из них и в голову не приходило, что молодой и не имевший связей мэр сделает попытку этот порядок нарушить. В муниципалитете орудовали прожженные политиканы: они распределяли подряды на очистку улиц, освещение, благоустройство города и всякого рода поставки, и узы взаимной выгоды тесно связывали их друг с другом.

— Вряд ли он будет для нас большой помехой, — говорили эти господа между собой. — Куда ему! Кишка тонка!

Новый мэр не принадлежал к числу людей, которые любят болтать и откровенничать. Но нельзя сказать, чтобы он был замкнутым или ему не хватало простоты и непринужденности в обращении. Он только был вечно поглощен своими мыслями, «витал в облаках», как говорили про него, и курил одну сигару за другой.

— Не мешало бы нам собраться и потолковать о распределении подрядов, — сказал однажды утром председатель муниципального совета, вскоре после того как мэр был введен в должность. — Вы увидите, что

члены совета готовы в этом вопросе пойти вам навстречу.

— Рад это слышать, — ответил мэр. — Я выскажу свои соображения в письме муниципальному совету, которое пришлю завтра утром.

Старый политикан с любопытством посмотрел на мэра, тот, в свою очередь, посмотрел на старого политикана без вызова, а как бы говоря: что ж, при желании мы можем отлично столкнуться; затем мэр вернулся в свой кабинет.

На следующий день письмо мэра было оглашено. Вот его основная суть:

«Подряды на производство работ для города могут сдаваться лишь при условии, что нанятые подрядчиком рабочие будут получать не меньше двух долларов в день».

Требование это было встречено негодующим ревом, и о выступлении мэра стало в тот же день известно по всему городу.

«Ерунда и нелепица!» — вопили дельцы из муниципалитета. «Социализм!», «Анархизм!», «С этим надо покончить!», «Этак городское управление через год обанкротится!», «Ни один подрядчик не в состоянии платить поденным рабочим по два доллара в день», «Сколько же город должен платить подрядчику, чтобы тот мог покрыть такие расходы?».

— Благосостояние города есть не что иное, как благосостояние большинства его граждан, — заявил мэр на заседании муниципалитета, подчеркивая, таким образом, альтруистическую и оставляя неясной экономическую сторону вопроса. — Надо найти подрядчиков, которые возьмутся за дело на наших условиях.

— Ну, это еще посмотрим! — сказали представители оппозиции. — Человек с ума спятил! Если он думает, что сможет управлять городом так, чтобы все были довольны, если он возмечтал каждого сделать богатым и счастливым, ну так он останется в дураках, только и всего, на том дело и кончится.

К счастью для нового мэра, трое из восьми членов муниципального совета разделяли его взгляды, — они были избраны по одному с ним списку. Они, правда, не могли провести свою резолюцию, но могли помешать совету принять резолюцию, на которую мэр наложил вето. Таким образом, всем стало ясно, что если подряды не будут розданы людям, удовлетворяющим требованию мэра, они не будут розданы вовсе. Мэр был явно на пути к победе.

— Какого черта мы тут торчим изо дня в день! — говорили недели две

спустя члены совета, возглавлявшие оппозицию. Бесплодная борьба утомила их наконец. — Без его согласия все равно нельзя принять никакого решения о подрядах. Ну и пусть раздает их кому хочет.

Таким образом, предложение мэра установить минимальную плату рабочему два доллара в день было одобрено и резолюция о подрядах принята.

Сторонники мэра ликовали, но сам он, как человек более трезвый, не обольщал себя радужными надеждами.

— Мы еще далеки от цели, друзья мои, — заметил он группе своих приверженцев, беседуя с ними в клубе. — Нам предстоит очень многое сделать, если мы хотим сохранить доверие избирателей и вторично одержать победу на выборах.

При старой системе подрядов, несмотря на то, что в контракте оговаривалась ставка заработной платы, рабочим платили пустяки или вовсе ничего не платили, и работа вообще не выполнялась. Никто этого и не требовал. Отбросы и зола скапливались на улицах, мостовые и тротуары были усыпаны обрывками бумаги. Прежний подрядчик, который преспокойно прикарманивал деньги, ассигнованные на очистку города, рассчитывал делать это и впредь.

— Горожане по-прежнему выражают недовольство, — однажды заявил мэр этому господину. — Вам придется держать город в чистоте.

Подрядчик, здоровенный ирландец с бычьей шеей и массивной челюстью, которому незаконно присвоенное богатство отнюдь не придало светского лоска, ухмыляясь, оглядел мэра с ног до головы. Он старался сообразить, что это значит — хочет ли мэр, чтобы ему дали взятку, или же он говорит всерьез.

— Столкнемся, надо полагать, — сказал подрядчик.

— Тут не о чем толковать, — ответил мэр. — Мне нужно от вас только одно, чтобы вы очищали улицы от мусора.

Подрядчик ушел, и несколько дней улицы блистали чистотой, но всего лишь несколько дней.

Гуляя по городу, мэр сам увидел валяющиеся бумажки и отбросы и опять вызвал к себе подрядчика.

— Говорю с вами об этом в последний раз, мистер М., — сказал он. — Либо вы будете выполнять условия подряда, либо вам придется передать его кому-нибудь другому, кто станет работать на совесть.

— Ладно, вычистим, — заявил подрядчик после жаркой пятиминутной перепалки. — Два доллара в день на рабочего — это просто разорение, но уж я добьюсь, чтобы улицы были чистые.

Опять подрядчик ушел, и опять мэр прогуливался по городу, и вот однажды утром он зашел к подрядчику в контору.

— Ну, хватит, — сказал мэр, вынув сигару изо рта и держа ее в отведенной руке. — Вы отстраняетесь от работы. Завтра я пришлю вам официальное уведомление.

— Да нельзя это так делать, как вам хочется, — сказал подрядчик и выругался. — Расчету нет. Плати рабочим по два доллара, а самому что останется? Черт! Это же всякому ясно!

— Очень хорошо, — вежливо и спокойно ответил ему мэр. — Пускай кто-нибудь другой попробует.

На следующий день он договорился с новым подрядчиком, и тот, руководствуясь таблицей, в которой было указано, сколько следует нанять рабочих и на какую прибыль можно рассчитывать, стал преуспевать. Отбросы вывозились ежедневно, и улицы были чисто выметены.

Как раз в это время потребовалось, в дополнение к сети начальных школ, организовать техническое училище, и надо было сдать подряд на его постройку. И тут мэр выступил с предложением, которое на дельцов из муниципалитета произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Они уже наметили подрядчика и подсчитывали свои барыши, как вдруг при обсуждении этого вопроса на одном из открытых заседаний мэр заявил:

— А почему бы, джентльмены, городу самому не построить здание?

— Да разве это возможно?! — воскликнули члены муниципального совета. — Город — не человек, он не может следить за постройкой.

— Город может нанять архитектора, как делает всякий подрядчик. Давайте попробуем.

Многих членов совета все это привело в крайне мрачное настроение, но мэр стоял на своем. Он вызвал архитектора, и тот составил до смешного дешевую смету. Никогда еще постройка общественного здания не требовала таких скромных затрат.

— Послушайте, — сказал один из членов муниципального совета, когда проект и смета были представлены на рассмотрение. — Ведь это просто недобросовестно по отношению к городу, и наша обязанность, как членов совета, в корне пресекать такие рискованные затеи. К чему это сведется? Вы растратите общественные средства, а построите какую-нибудь дрянь — и все только для того, чтобы заполучить голоса избирателей!

— Я буду предавать гласности счета на строительные материалы, — заявил мэр. — А когда здание будет построено, все увидят, дрянь это или не дрянь.

Чтобы предупредить возможные махинации со стороны своих противников, мэр стал публиковать в газете все счета на строительные материалы, по мере того как они поступали, сопоставляя их всякий раз с затратами на точно такое же количество таких же точно материалов при постройке других зданий. Таким образом, жители города все время знали, как идет строительство, и крики о том, что дешевая стройка затеяна с политической целью, вскоре умолкли. Это было первое общественное здание, возведенное самим городом, и, когда оно было закончено, оказалось, что это не только самое дешевое, но и самое лучшее из всех городских строений.

Таким образом, новый мэр уже оказал городу немаловажную услугу. Однако он вскоре понял, что против него сколачивается сильная оппозиция и что, если он хочет поддержать пробудившийся к нему интерес избирателей, надо какими-то более решительными мерами завоевать их сочувствие.

— Я могу быть честным, — сказал он одному из своих друзей, — но одной честностью нашу публику не проймешь. Люди не слишком заботятся об общественном благополучии. Они не любят, когда их беспокоят, и им всегда недосуг. Надо сделать что-нибудь такое, что могло бы произвести на них сильное впечатление и что вместе с тем стоило бы труда. Меня не переизберут за одни хорошие обещания и за мои красивые глаза.

Однако, когда он лучше ознакомился с обстановкой, ему стало ясно, что поле деятельности муниципалитета сильно ограничено законодательством. Он, например, обещал снизить непомерную плату за газ и уничтожить в черте города наземные железнодорожные переезды, но, по закону, муниципалитет не мог сделать ни того, ни другого без предварительного голосования, которое надо было проводить в городе ежегодно в течение трех лет подряд; и все три раза результаты голосования должны быть в пользу предполагаемого мероприятия, иначе оно не может осуществиться. Эту небольшую предосторожность заинтересованные корпорации приняли уже давно, задолго до избрания нынешнего мэра.

— Обещать, что мы все это проведем, конечно, можно, — сказал мэр, беседуя со своим другом, — и наличие такого закона для нас достаточное оправдание, но избиратели не станут три года довольствоваться одними оправданиями. Если я хочу, чтобы меня снова избрали мэром, надо что-то сделать — и сделать немедленно.

Освещение города находилось в руках газовой корпорации, начавшей свое существование с акционерным капиталом в сорок пять тысяч долларов, а впоследствии возросшим до семидесяти пяти тысяч. В 1899

году корпорация получила пятьдесят восемь тысяч долларов чистой прибыли и собиралась, как это обычно делается, номинально увеличить капитал до пятисот тысяч долларов и выпустить соответствующее количество новых акций. И вот мэр подумал: если эта корпорация из вложений в семьдесят пять тысяч долларов извлекает такие огромные прибыли, что в состоянии предложить своим вкладчикам шесть процентов годовых с несуществующего капитала в пятисот тысяч долларов, — причем деньги, вырученные от продажи дутых акций, она положит себе в карман, — то не может ли она снизить плату за газ с одного доллара девятнадцати центов до какой-нибудь более приемлемой цифры? Но как быть с законом о троекратном голосовании, за которым, как за каменной стеной, укрывалась богатейшая корпорация, пребывая в состоянии покоя и равнодушия?

Мэр послал за своим юристом и некоторое время усердно изучал законы о газоснабжении. Он узнал, что в столице штата существует специальная коллегия или комиссия, созданная для надзора за газовыми компаниями и для рассмотрения жалоб тех муниципалитетов, которые считают себя обиженными.

— Как раз то, что мне нужно, — сказал мэр.

Не располагая достаточной властью, чтобы самовольно снизить плату за газ, он решил изложить дело перед упомянутой комиссией и просить ее вмешательства.

Но стоило ему заговорить об этом, как он понял, что встретит сопротивление не только в самом городе, но и далеко за его пределами. Его намерению произвести местное снижение платы за газ противостояла целая система грабительских расценок, действующая в штате и по всей стране; если бы этот вопрос был поднят, против него встали бы сотни разжиревших на сверхприбылях газовых корпораций, доходы которых могли оказаться под угрозой.

— И вы действительно будете добиваться осуществления своего плана? — спросил его видный представитель местной адвокатуры, зашедший к нему как-то утром с намерением выяснить его точку зрения. — Я говорю с вами от имени джентльменов, которые контролируют нашу местную газовую компанию.

— Разумеется, буду, — ответил мэр.

— Ну что ж, — заявил неофициальный представитель частных интересов после длительной беседы, во время которой он изложил различные «доводы», почему новому мэру было бы гораздо более выгодно и политически целесообразно отказаться от своего намерения, — я сказал все, что мог сказать. Мне остается только предупредить вас, что вы идете

против объединения, которое вас раздавит. Отныне вы будете иметь дело не с городом; вы будете иметь дело с целым штатом, со всей страной. Корпорации не могут допустить, чтобы вы победили, и они этого не допустят. Не вам бороться за это дело; у вас пороха не хватит.

Мэр улыбнулся и ответил, что ему самому трудно, конечно, судить об этом.

Адвокат ушел, и на следующий день мэр поручил своему юрисконсульту просмотреть годовые отчеты газовой компании за все время ее существования, а также бюллетень, выпускаемый фирмой биржевых маклеров, взявшей на себя распространение дутых акций, которые компания намеревалась выпустить в огромном количестве. Он вызвал также эксперта по газовому освещению и попросил его составить и обосновать жалобу, которую он решил подать в комиссию по надзору.

Эксперт установил, что со дня своего основания и в течение первых тридцати лет компания выплачивала дивиденды с помещенного капитала в размере десяти процентов годовых; за последние десять лет она произвела большие усовершенствования и, несмотря на это, выплачивала дивиденд в двадцать и даже двадцать пять процентов годовых. Тщательно подсчитав стоимость оборудования и все издержки, понесенные корпорацией, мэр и его юрисконсульт сели в поезд и поехали в столицу штата.

Удивительно, какое волнение в политических кругах вызвал такой, казалось бы, маловажный факт, как приезд в столицу штата этого молодого человека, представителя незначительной политической организации, и его появление в назначенный час в приемной упомянутой комиссии. Все газовые монополии, все газеты и общественные организации почему-то вдруг проявили горячий интерес к борьбе, которую он вел; стая репортеров осаждала его в отеле, где он остановился, и в здании сената штата, в комиссии, где должно было разбираться дело. Они старались выведать, чем вызваны его действия, что это — просто шантаж или происки конкурирующей корпорации? Тому, что он мог действовать из чистых побуждений, никто не верил.

— Джентльмены, — сказал мэр, обращаясь к пышному сборищу маститых законников, восседавших в зале комиссии и дожидавшихся только минуты, чтобы разнести в пух и прах все его доводы, — я не учел одного обстоятельства в этом деле, которое собираюсь вам изложить, а именно степени общественного интереса к нему. Я предполагал, что мое заявление будет негласным, но теперь хочу просить вас предоставить мне возможность выступить публично. Я вижу, что общественность проявляет к этому делу большой интерес, как оно, конечно, и должно быть. Я буду

просить перенести мое выступление на послезавтра.

Это заявление мэра вызвало в собрании немалое замешательство, ибо гласное обсуждение вопроса было явно нежелательно для корпораций. Но комиссии не оставалось ничего другого, как согласиться. Шум, поднятый вокруг этого дела газетами, уже привлек к нему всеобщее внимание. Мэр разыскал нескольких депутатов и сенаторов от своего округа, заставил их ознакомиться с материалами, и когда наступило утро публичного рассмотрения дела, в палате представителей собралась масса народа.

Когда решительный час настал, мэр выступил вперед и просто и ясно изложил суть вопроса и обстоятельства, побудившие его искать содействия комиссии и широкой гласности. Затем он попросил предоставить слово государственному инспектору газовых установок и освещения, который, по его поручению, опираясь на двадцатилетний опыт своей работы в этой области, составил доклад о положении, в котором очутились сограждане мэра, пользующиеся газом.

Комиссия была немало изумлена этой просьбой, но изъявила готовность заслушать мнение эксперта в лице юрисконсульта города. Доклад был зачитан и пролил яркий свет на положение дел.

Юрисконсульты различных газовых корпораций неоднократно прерывали докладчика. И самого мэра они всячески старались втянуть в спор, но его ответы были так ясны и убедительны, что его предпочли оставить в покое. Зато все эти юристы пустились в многоречивые рассуждения о типах газовых установок в других городах, о стоимости оборудования, рабочей силы и тому подобном, и эта дискуссия тянулась день за днем и угрожала затянуться на недели. Однако потрясающих свидетельств об огромных прибылях и дальнейших спекулянтских планах не только этой, но и всех других газовых компаний штата уже нельзя было замолчать. Когда стало известно, какую колоссальную прибыль получают все корпорации, это вызвало такое возмущение, что комиссия, опасаясь лишиться политического доверия, после длительных колебаний проголосовала, наконец, за снижение взимаемой с потребителей платы за газ до восьмидесяти центов.

Нужно ли говорить, как это решение было воспринято в родном городе мэра. Когда он вернулся домой, он был встречен овацией, ему аплодировали даже многие из тех, кто в свое время был так напуган его избранием. Но мэр понимал, что этих восторгов хватит ненадолго. Раздраженные неудачей противники продолжали его травить, привлекая на свою сторону все новые и новые силы. Они копались в его семейной жизни и его прошлом; детские его шалости и интимные чувства — все было

выставлено напоказ. Надо было искать нового случая принести пользу обществу: бездействовать сейчас значило бы потерпеть в будущем неизбежное поражение.

В избирательной программе, которую предложила партия мэра и благодаря которой он победил на выборах, содержался пункт, гласивший, что выдвинутый партией кандидат, в случае его избрания, обязуется уничтожить в черте города наземные железнодорожные переезды; эти переезды были причиной многочисленных несчастных случаев и вызывали справедливое недовольство граждан. Вот этим пунктом мэр и решил заняться.

Но тут ему мешал упомянутый выше закон, согласно которому ни один город не имел права уничтожить наземные железнодорожные переезды, пока этот проект не будет трижды представлен на рассмотрение граждан и одобрен ими в течение трех лет подряд. И теперь за этим законом стояла уже не какая-нибудь мелкая корпорация с капиталом в пятьсот тысяч долларов, как то было в период борьбы с газовой компанией, но все железнодорожные компании, хозяйничавшие в Новой Англии, простыми прислужниками которых были печать и законодательные органы, суды и присяжные заседатели. К тому же близилась переизборная кампания мэра, голосование по вопросу о переездах совпало бы с голосованием по его кандидатуре. Такое соображение могло бы отпугнуть и куда более честолюбивого политика. Но мэр был не из пугливых. Он начал агитацию за свой проект, и борьба разгорелась. Сперва она велась как будто по-честному: мэр доказывал свое, его противники свое, но тут, в самый острый момент, крупная железнодорожная компания предприняла жульническую махинацию. Неожиданно на рассмотрение нижней палаты законодательного собрания штата был внесен втайне подготовленный и весьма хитро составленный законопроект, в котором предлагалось, чтобы закон, позволяющий всем городам уничтожать наземные железнодорожные переезды на основе предварительного троекратного голосования, был для данного города аннулирован на срок в четыре года. Закон мог пройти немедленно, и политическая его подоплека даже не была бы затронута.

Когда слухи об этой махинации достигли мэра, он сел в первый поезд, шедший в столицу штата, и появился в нижней палате как раз к началу обсуждения законопроекта. Он попросил, чтобы ему разрешили сделать заявление. Столь своевременное прибытие мэра произвело в палате настоящую сенсацию. Тайные сторонники законопроекта попытались было снять вопрос с обсуждения и передать его в специальную комиссию. Но это им не удалось. Один из депутатов решительно высказался за то, чтобы

продолжить обсуждение законопроекта, и тайным голосованием его предложение было принято.

Мэру предоставили слово.

Он помолчал с минуту, прежде чем начать свою речь, и все почувствовали, что он искренне взволнован. Наконец он сказал:

— Меня обвиняют в том, что я возражаю против этого законопроекта по личным мотивам, ибо, если его примут, у меня не останется надежды на переизбрание. Если нельзя будет голосовать за уничтожение наземных поездов, не будет повода голосовать и за меня. Джентльмены, у вас сложилось неправильное представление о характере и умственных способностях граждан нашего города. Вы считаете, что этот законопроект будет иметь для меня политические последствия: смею вас уверить, что если он и будет иметь последствия, то совсем не такие, как вы думаете. Если бы я не считал этот законопроект несомненным злом, я упал бы перед вами на колени и умолял бы немедленно принять его. Ничто не может так способствовать моему избранию, как принятие этого законопроекта. Ничто не может так повредить оппозиции. Если вы непременно хотите, чтобы я победил, вам стоит только учинить этот произвол, это грубое нарушение прав нашего города: мое избрание тогда обеспечено. Лучшей помощи мне и желать нельзя.

Джентльмены, коим поручено было провести законопроект, сильно призадумались после речи мэра; и так долго они думали и колебались, что решение вопроса затянулось на целые недели.

А между тем подошло время выборов, и было сочтено неблагоприятным протаскивать это дело в разгар политических страстей. Оставалось дать бой в самом городе. Разношерстные элементы оппозиции были непостижимым образом приведены к согласию. Демократы, республиканцы, сторонники сухого закона, держатели пивных и религиозные круги — все слились в одно гармоничное целое, вдохновленные одной идеей — нанести мэру поражение. Кто-то, — кто именно, осталось неизвестным, — выступил с призывом создать комитет пятидесяти, который должен был взять в свои руки дело защиты города от «удушающей политики экономического притеснения и анархии», как говорилось в призыве. Демократов, республиканцев, сторонников и противников сухого закона пригласили собраться вместе — и все они собрались. На подготовку брошюр и листовок к избирательной кампании не пожалели ни денег, ни умственных сил. В городе открыто говорили, что заинтересованная железная дорога вручила главарю оппозиции незаполненный чек с предложением вписать любую сумму, какая

потребуется для того, чтобы сокрушить этого выскочку, вознамерившегося перевернуть вверх дном издавна заведенные обычаи и порядки.

Как и следовало ожидать, оппозиция не скупилась на лживые измышления. Мэра обвиняли, например, в том, что он вошел в сделку с железнодорожной компанией, дабы взвалить на город тяжелое бремя расходов: ведь закон, на основе которого можно было заставить железную дорогу построить в черте города надземные пути, гласил, что одну пятую расходов должен нести город, а остальные четыре пятых — железная дорога. Стало быть, на плечи налогоплательщиков ляжет долг в двести пятьдесят тысяч долларов, а взамен они не получают ничего. Выиграет только железная дорога. «Отложите это мероприятие до того времени, когда можно будет заставить железную дорогу взять на себя все расходы целиком, как того требует справедливость», — говорили сочинители агиток, всегда готовые оказать услугу тем, кто мог им хорошо заплатить.

Мэр и его предвыборный комитет, хотя и не располагали большими средствами, тоже выпускали листовки и, кроме того, выступали публично, разъясняя, что даже при явно преувеличенном исчислении суммы долга в двести пятьдесят тысяч долларов городские налоги увеличатся всего до шести центов на человека. Таким образом, крикливые заявления о том, что каждому гражданину в течение десяти лет придется ежегодно платить лишних пять долларов, были полностью опровергнуты, и избирательная кампания пошла своим чередом.

Тогда противники мэра пустили в ход запугивание. Если мэр победит, говорили они, все солидные коммерсанты покинут город. Фабрики закроются, и начнется голод. Наступят тяжелые времена. Обладатели капиталов боятся опасности. Какой дурак в самом деле станет рисковать своими деньгами в городе, где создалась такая неблагоприятная обстановка?

А мэр доказывал, что корпорации обязаны вернуть населению хотя бы часть полученной ими прибыли. Сторонники мэра обошли все дома, подсчитали, сколько человек собирается за него голосовать, и обнаружили, что их число значительно возросло. Они выведали, какое число голосов противник считает достаточным для того, чтобы нанести мэру поражение. Мэр увидел, что ему, если он хочет быть абсолютно уверенным в победе, требуется еще триста голосов. Он отыскал колеблющихся в стане противника и заблаговременно, еще до наступления решающего утра, заручился их обещанием голосовать за него.

Вечером накануне выборов город представлял собой великолепное зрелище; противники мэра уже были уверены в своем торжестве. Десятки

ораторов от обеих сторон выступали на перекрестках и в городском зале заседаний.

Красноречие лилось рекой, и освещенные керосиновыми фонарями агитационные фургоны разъезжали по улицам, изливая желчь на мэра и елей на его соперника. Враждебными мэру силами был устроен даже большой парад, для участия в котором сотни лошадей и людей были доставлены из соседних поселков; все это сборище выдали за исполненных энтузиазма граждан города.

«Лошади не голосуют!» — эта фраза, брошенная мэром, несколько умерила восторги нахлынувшей в город толпы и вызвала смех у соратников мэра, для которых такая поддержка была далеко не лишней.

На следующий день состоялось голосование, и надежды мэра оправдались — на этот раз во всяком случае. За него было подано не только значительно больше голосов, чем в прошлые выборы, но он собрал на целых двести голосов больше своего соперника. Эта победа вдохновила мэра и его приверженцев, зато их противникам доставила немало огорчений. Они еще накануне завезли в город целый вагон ракет для фейерверков, и этот вагон стоял теперь печально и одиноко на тех самых путях, которым предстояло, очевидно, стать надземными. Самую горькую досаду противники мэра испытали тогда, когда победители, входя в их тяжелое положение, предложили скупить все ракеты за полцены.

Целый год после этого не слышно было разговоров о том, что мэр разоряет город. Плата за газ, в соответствии с решением комиссии, держалась на уровне восьмидесяти центов. Новое техническое училище, построенное на редкость дешево, — этот памятник муниципальной честности, — красовалось у всех на виду. Городская водопроводная станция была расширена, и цену на воду снизили. Улицы содержались в чистоте.

Тогда мэр ввел еще одно новшество. В первый год его пребывания на новом посту клуб реформаторов каждую неделю устраивал собрания, на которых мэр откровенно рассказывал о своих планах и затруднениях. А теперь он предложил проводить эти собрания публично.

С тех пор каждый вечер по средам деятельность мэра становилась предметом всеобщего рассмотрения, и всякий, побывав на таком собрании, приходил к выводу, что все это еще больше будет способствовать росту влияния и популярности мэра.

Обсуждения происходили в большом зале, предназначенном для общественных собраний. Приглашались все желающие. Мэр был здесь и хозяином и гостем, он приходил сюда просто как человек, который хочет рассказать о своих планах, о возникших затруднениях и попросить совета. Перед ним были его избиратели, пришедшие не только затем, чтобы его послушать, но и высказать свои пожелания.

— Джентльмены, — говорил он, — эта неделя оказалась для меня особенно тяжелой. Я столкнулся с рядом трудностей, которые попытаюсь вам сейчас разъяснить. Прежде всего вы сами знаете, как ограничена моя власть в муниципалитете. В настоящее время всего три члена городского совета голосуют за мои предложения: только идя на взаимные уступки, мы можем как-то продвигаться вперед.

Затем он подробно рассказывал о своих затруднениях, после чего начиналась общая дискуссия. Всякий, даже простой рабочий, имел

возможность выступить со своим предложением. Каждая проблема обсуждалась в атмосфере самого дружеского участия. Когда мэр спрашивал: «Что же надо сделать?» — он часто получал весьма дельный совет. Если ему подсказывали неудачное или неприемлемое решение, оно не встречало поддержки у других, и непригодность его быстро обнаруживалась. Сторонников крайних мер осаживали, слишком осторожных понукали. Всякий вопрос разбирался так подробно и освещался так всесторонне, что каждый человек, уходя, ясно представлял себе и позицию, занимаемую мэром, и его намерения.

Побывавшие на таком собрании разговаривали потом с другими: они разъясняли и отстаивали действия мэра, потому что сами их понимали; казалось бы, если пять тысяч человек (или даже больше) постоянно это делают, в городе не может возникнуть никаких кривотолков. Все слышавшие мэра говорили, что цель и линия его поведения в любом вопросе всегда ясны. Казалось, что он, как ни одно должностное лицо во всей Америке, тесно связан со своими избирателями и что только сумасброды могут быть недовольны его управлением.

Так прошел год; настала пора президентских выборов; почти одновременно должны были происходить и перевыборы мэра. Плата за газ уже не могла быть гвоздем предвыборной кампании. Улицы сияли чистотой, контракты выполнялись аккуратно. О благосостоянии города заботились как нельзя лучше. Только вопрос о железнодорожных переездах оставался неразрешенным: требовалось еще двукратное голосование. Самым сильным аргументом в пользу мэра была его предшествующая деятельность.

Но на стороне, враждебной мэру, стояли потерпевшие в прошлый раз поражение местные организации обеих влиятельных партий и железнодорожная компания. Она-то, непримиримая в своей злобе, и позаботилась о том, чтобы сплотить местных демократов и республиканцев и создать мощную оппозицию. Все средства были пущены в ход: газеты подкуплены, большое число железнодорожных служащих временно переселено в город для того, чтобы они могли здесь проголосовать: этой местной избирательной кампании всячески старались придать значение общегосударственное. В последние недели перед выборами борьба приняла особенно ожесточенный характер. И деньги победили. Пять тысяч четыреста голосов было подано за мэра. Пять тысяч четыреста пятьдесят — за кандидата оппозиции, который принадлежал к той же партии, что и победивший кандидат в президенты.

Это был тяжелый удар для мэра, но он умел философски смотреть на

вещи и принял его спокойно. Покидая муниципалитет, он держался так же просто и непринужденно, как всегда, а спустя три дня пришел на одну из обувных фабрик города и попросил дать ему работу по его прежней специальности.

— Что? Неужели вы ищете работу?! — воскликнул изумленный мастер.

— Ищу, — сказал мэр.

— Работу мы вам дадим, приступайте хоть сейчас, но, мне кажется, вы могли бы заняться чем-нибудь получше.

— Придет время, займусь, — ответил мэр, — вот когда изучу как следует право. А пока, для разнообразия, хочу опять поработать на фабрике да посмотреть, как живет рядовым рабочим.

И, надев фартук, принесенный из дому, мэр приступил к работе.

Однако долго работать ему не пришлось, — его уволили. Об этом позаботились политические противники бывшего мэра, мечтавшие изгнать его из города. Многие осуждали его за желание устроиться на простую работу, говорили, что в этом чувствуется «душок зазнайства», неискренность, ему, мол, не было нужды это делать, он просто-напросто решил нажать политический капитал. Спустя некоторое время один торговец бакалейными товарами, разделявший убеждения мэра, предложил ему место приказчика, и тот, руководствуясь какими-то неведомыми соображениями — гуманными или узколичными, — принял это предложение. Тут он проработал уже несколько дольше. И снова многие говорили, что мэр ведет простой образ жизни с целью нажать политический капитал, рассчитывая, что это ему пригодится для дальнейшей политической карьеры. Возможно, и даже вероятно, что так оно и было. У каждого свой способ отстаивать свои убеждения. Итак, некоторое время мэр работал в бакалейной лавке, а его сограждане, настроенные кто сочувственно, а кто враждебно, продолжали поносить или хвалить его, высмеивать или превозносить его так называемую «джефферсоновскую простоту». Как раз в это время я и встретился с ним. Мне сразу понравился этот высокий худощавый человек, как видно, очень способный и вообще прелюбопытный. А он охотно доверился мне и рассказал всю свою историю. Человек он действительно был примечательный, и о нем стоит вспомнить.

В одной из комнатшек его скромного домика — комнатка эта представляла собой не то контору, не то кабинет, а домик был такой маленький и невзрачный, что, пожалуй, только рабочий или мелкий служащий согласился бы в нем жить, — хранилась целая коллекция

вырезок. В одних его хвалили, в других ругали, в третьих просто сообщали о каких-нибудь его действиях; обилие этих печатных откликов свидетельствовало о такой его популярности, которой мог бы позавидовать любой претендент на самый высокий пост во всей Америке. По альбомам вырезок и конвертам, до отказа набитым передовицами и большими статьями из газет, выходивших во всех уголках страны, от Флориды до Орегона, можно было судить, что в это время и в предшествующие годы каждый его шаг вызывал в народе особый интерес. Было совершенно ясно, что один класс настороженно следит за ним, шпионит и отвергает его, а другой — приветствует, одобряет и поощряет. Редакторы журналов домогались его сотрудничества, журналисты из больших городов ловили его, чтобы узнать о его намерениях, общественные организации с разных концов страны приглашали его приехать и выступить, а ведь он был еще совсем молодой человек, не очень образованный и не слишком сведущий в политике, всего только бывший мэр маленького городка и представитель организации, не имевшей никакого влияния.

Теперь, оставшись не у дел, он, кажется, находил некоторое утешение, перебирая эти вырезки и вновь обращаясь мыслью к недавним событиям, еще свежим в его памяти; а может быть, его поддерживала и надежда на лучшее будущее. С какой-то веселой иронией он показывал мне образчики самой беспардонной и злонамеренной клеветы, которой пытались очернить его безупречное поведение. Он видел в них дань тому интересу, который проявляла к нему публика.

— Вы хотите знать, что люди думают обо мне? — спросил он меня однажды. — Вот тут есть кое-что. Прочитайте. — И он протянул мне пачку вырезок, содержащих самые ожесточенные нападки на него — в одних его изображали хитрым и коварным врагом народа, в других — круглым невеждой, одержимым страстью к разрушению. Лично я не мог не восхищаться твердостью его духа. Как раз этой твердости не хватало тем, кто клеветал на него. Явная ложь не возбуждала его гнева. Очевидное недоразумение не могло, по-видимому, вывести его из себя.

— На что вы надеетесь? — спросил он меня, когда я написал для одного из журналов правдивый очерк о его деятельности, который, кстати сказать, так и не был напечатан. Я пытался добиться у него признания: ведь верит же он все-таки, что его пример сможет в будущем вызвать широкий и благоприятный для него отклик. Но я так и не мог понять, согласен он со мной или нет.

— У людей короткая память, — продолжал он, — они быстро все забывают. О человеке помнят, пока он у всех на глазах и чем-нибудь

привлекает общее внимание. Это может быть снижение платы за газ или организация оркестра, исполняющего классическую музыку. Публике нравятся сильные и только сильные люди, хорошие они или плохие — все равно, я в этом убедился. Стоит кому-нибудь — отдельному лицу или корпорации — оказаться сильнее меня, начать травить меня, сорить деньгами, спаивать людей пивом и сулить им золотые горы — и песенка моя спета. Со мной именно это и случилось. Я столкнулся с мощной корпорацией, которая, по крайней мере в данное время, оказалась сильнее меня. И теперь мне остается только одно — уехать куда-нибудь и стать сильнее, а каким способом я этого добьюсь, не имеет значения. Что людям до нас с вами, до наших идеалов, до наших забот о благе общества; людей привлекает только сила и занимательное зрелище. И обмануть их ничего не стоит. Хищные корпорации пустили в ход юристов, политических деятелей, прессу, представили меня в жалком и смешном виде. И люди забыли обо мне. Если бы я мог добыть миллион или хотя бы пятьсот тысяч долларов и задать этой корпорации хорошую трепку, они стали бы меня боготворить — но только до поры. А потом пришлось бы доставать новые пятьсот тысяч долларов или еще что-нибудь придумывать.

— Все это так, — отозвался я. — И все же «vox populi — vox dei»^[1].

Сидя однажды вечером у порога его домика, который находился в очень скромном квартале города, я спросил:

— Вы очень огорчились, потерпев в этот раз поражение?

— Ничуть, — ответил он. — Действие и противодействие — таков закон. Думаю, что все это со временем выправится, во всяком случае, так бы должно быть. А впрочем, как знать. Но, думается мне, придет время, появится человек, который сумеет дать людям то, что им действительно нужно, то, что они должны иметь, и он победит. Не уверен, конечно, но надеюсь, что так и будет. Ведь жизнь идет вперед.

Его худощавое молодое лицо было спокойно, бледно-голубые глаза глядели задумчиво. Казалось, перенесенные им испытания не омрачили его духа.

— Вы на все смотрите с философской точки зрения?

— Постольку поскольку, — сказал он. — Видите ли, люди говорят, будто все, что я делал, все мои заботы о чужом благе свидетельствуют только о моей никчемности. Что ж, возможно. Может быть, личный интерес и есть закон жизни и лучший ее двигатель. Я еще не знаю. Но сочувствую я, разумеется, совершенно другому. Одна газета писала обо мне: «Его бы следовало засадить в каторжную тюрьму, пусть бы там тачал сапоги». А другая посоветовала мне заняться чем-нибудь таким, что не

превышало бы моих способностей, дробить камни или выгребать нечистоты. Почти все сходились на том, — добавил он, и усмешка шевельнулась в уголках его большого выразительного рта, — что я хорошо сделаю, если буду сидеть смиренно, а еще лучше, если уберусь куда-нибудь подальше. Они хотят, чтобы я уехал из города. Для них это был бы наилучший выход.

Казалось, он подавил усмешку, которая вновь готова была появиться на его губах.

— Голос врага, — заметил я.

— Да, голос врага, — подтвердил он. — Но не подумайте, что я сдался. Вовсе нет. Я просто вернулся к прежнему своему состоянию, чтобы на досуге хорошенько все обдумать. Может, я уеду отсюда, а может, и нет. Во всяком случае, я опять появлюсь где-нибудь, и не безоружным.

Однако уехать ему пришлось, и было сделано все, чтобы помешать ему когда-либо снова завоевать общественное признание. Пять лет спустя, в Нью-Йорке, занимая довольно обеспеченное служебное положение, он умер. Он боролся — и боролся отважно, но время, обстоятельства, положение светил, что ли, не благоприятствовали ему. Может быть, у него не было гения-покровителя, который провел бы его сквозь все препятствия. Толпа приверженцев не устремилась ему на помощь и не спасла его в решительную минуту. Может быть, ему не хватало обаяния — этой языческой, стихийной, произвольно действующей силы. Парки не дрались за него, как дерутся они за своего избранника, спокойно взирая на миллионы и миллионы неудачников. Но разве можно сказать хоть о ком-нибудь из нас, что жизнь вполне удалась? Пусть даже другим она кажется удачной, — как далеко все это от того, что нам мечталось, к чему мы стремились!.. Мы то и дело поступаемся чем-нибудь — и мечтами своими, и многим другим.

Что касается тех перемен, за которые он боролся, то, может быть, они наступят очень скоро. А может быть, еще не так скоро. *In medias res*^[2].

Но его жизнь?..

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

«Глас народа — глас божий» (*лат.*).

2

По сути вещей (*лат.*).